

Бланш. Ведет себя как скотина, а повадки — зверя! Ест как животное, ходит как животное, изъясняется как животное!

*Теннесси Уильямс.
«Трамвай «Желание»*

Брик. Что ты сказала?
Маргарет. Я собираюсь сказать: мне... одиноко. Очень!
Брик. Это со всеми бывает...

*Теннесси Уильямс.
«Кошка на раскаленной крыше»*

***Автор не всегда разделяет
позицию своих персонажей***

... **Д**аша вышла из дома, быстро обогнула цепочку гаражей, затем спустилась по лестнице к набережной и только тогда вспомнила — собственно, а заряжен ли фотоаппарат?

Фотоаппарат был новый, купленный взамен прежнего, вытасченного из сумочки неизвестными лицами — то ли в кафе, где она сидела с Варварой, то ли где-то в метро, когда везла сценарий очередной серии на киностудию. Словом, Даша еще не успела приноровиться к очередной цифровой игрушке.

— Сейчас проверим... — озабоченно пробормотала она и на бегу выхватила фотоаппарат. Нажала на кнопку включения — вспыхнул экран, в верхнем углу которого замерцали какие-то символы. Пытаясь разгадать их значение, Даша стала жать подряд на

Татьяна ТРОНИНА

все кнопки — мигнула вспышка, раздался щелчок, изображение замерло, через мгновение снова картинка стала плавающей — значит, работает. Отлично.

Вдоль набережной растянулась вереница машин. Они едва двигались, то и дело сигнала.

Даша бесстрашно вклинилась между ними и, лавируя, на ходу сделала еще несколько пробных снимков. Снова ярко мигнула вспышка, один из водителей запоздало прикрыл лицо рукой.

«Пardon... — усмехнулась Даша. — Но вы правы, милейший, вспышку надо отключить — она ни к чему, когда и так столько солнца вокруг!»

Она перешла через мост, посмотрела на электронные часы, прилепившиеся к фасаду многоэтажки, — 16.40. На первом этаже многоэтажки располагался Дашин любимый магазин: на витрине — развалы всевозможных коробочек и флакончиков со столь милым ее сердцу парфюмерно-косметическим содержанием. Стекла перечеркивали кричащие цифры — распродажа. «Опаздываю! — одернула себя Даша. — На обратном пути зайду!»

Она свернула за дом, затем побежала вдоль трамвайного пути. Снова свернула — ярмарка выходного дня.

Оглушающе пахло копченой рыбой, с грузовика торговали арбузами, женщины с сосредоточенным видом пробовали спичкой мед...

— Липовый?

— Да. Берите. Пятьдесят, сто, двести рублей...

— А донник? Донник есть у вас?

— Чье? Чувашия? Эт-та хорошо...

— Мужчина, не напирайте!

— У меня без сдачи, между прочим!..

Даша вошла в бурлящую толпу. Соленые огурцы, маринованный чеснок, оранжевые бока дынь...

Марат любит дыни, машинально вспомнила она.

Режет их тонко, деликатно берет ломтики своими тонкими пальцами. По подбородку течет капелька дынного сока. Прозрачные темные глаза тоже подернуты сладкой слезой...

Даша прерывисто вздохнула.

Наконец торговые ряды закончились, и Даша оказалась у пешеходного перехода.

Зеленый. Вперед!

Сзади раздался визг тормозов, спину обдало волной нагретого воздуха от автомобиля, но Даша даже не оглянулась. Не задавили — и на том спасибо. «Со всем обалдели... На зеленый едут!» — лишь привычно подумала она.

...Варвару было видно издалека.

На фоне скучной решетчатой ограды и пестрой толпы людей (в основном — мамы с детьми и пенсионеры) она выглядела таким черным обелиском. Или артефактом, случайно выпавшим на землю из пролетающего мимо инопланетного корабля. Ну, или, по крайней мере, актрисой, сбежавшей со съемочной площадки прямо в том образе, который придумал ей полусумасшедший режиссер авторского кино, чей замысел доступен лишь избранным зрителям...

Татьяна ТРОНИНА

Да, подруга Даши была женщиной во всех отношениях видной.

Во-первых, Варвара отличалась довольно высоким ростом. А также крупным телосложением, создававшим определенные неудобства при пользовании общественным транспортом. Варвара неоднократно застревала в валидаторе при попытке войти в троллейбус или в турникете, когда пыталась протиснуться сквозь него в метро. Золотой Варвариной мечтой была покупка своего авто. Большого и удобного!

Во-вторых, Варвара обожала готический стиль. Но, поскольку готичной одежды на женщин таких размеров не шилось, она творила свои наряды сама. Как умела. Черная юбка с кантом аспидно-черных кружев и бахромы, черный жакет, больше напоминающий накидку для катафалка, какая-то немыслимая черная шаль... И серебро. Много серебра — ну, или металла серебристого цвета. Длинные цепи горизонтально лежали на Варварином бюсте, массивные серьги провисали до плеч, потрясали воображение килограммовые браслеты и гигантские перстни, коими, наверно, можно было воспользоваться при желании как кастетом...

В-третьих, у Варвары был свой собственный, свежий и неизбитый взгляд на искусство макияжа. Цвет помады, лака для ногтей, тон пудры, оттенки теней для век, толщина подводки бровей — все отличалось оригинальностью и слегка озадачивало прохожих.

Волосы у Варвары были перекрашены в антрацитовый цвет (кажется, именно такой оттенок имеет поднимаемый шахтерами из недр земли уголь), отлича-

лись толщиной, густотой, длиной, прямизной. Прекрасные волосы! Хотя, если честно, они больше напоминали парик из конских хвостов.

Обувь. Вот с обувью была проблема... Будучи дамой крупногабаритной, Варвара страдала ногами. Могла носить только кеды. Обычные кеды на белой резиновой подошве, со шнурками...

А еще она курила сигары — настоящие сигары, размерами напоминающие краковскую колбасу. С сигарами было все просто — их Варваре присылала ее родственница, еще в далекие советские годы отбывшая на родину своего мужа, верного соратника Фиделя Кастро.

Некоторые принимали Варвару за сумасшедшую. Ходят же такие по московским улицам — безобидные, смешные создания... Но Варвара таковой не являлась.

Даша это знала точно, поскольку уже лет пятнадцать общалась с ней. Сначала в институте, где они обе учились на филологическом, затем на киностудии. Варвара и Даша работали там сценаристами. Вернее — не сценаристами даже, а теми, кто перекладывал западные мыльные оперы на отечественный лад. Дело в том, что «их» и наши реалии не всегда совпадали. Даша с Варварой творили из гольфиста Джона нашего дядю Ваню, обожающего дворовый футбол, а тетюшку Милли из Оклахомы превращали в тетю Марусю из Житомира, чья речь отличалась приятным малороссийским акцентом.

Так вот, за эти годы Даша успела узнать, что Вар-

Татьяна ТРОНИНА

вара — человек здравого ума и жесткого характера. А черные накидки с серебряными булжниками на пальцах — так, проявление индивидуальности, не больше.

Да, еще одно небольшое отступление — Варваре недавно исполнилось тридцать девять лет (она была на три года старше Даши). И, как и Даша, ни мужа, ни детей не имела.

...Тем временем Варвара продолжала плавной, пружинящей походкой (благодаря кедам) прогуливаться на фоне ограды, куря сигару и черной бахромой подметая тротуар. Мамаши с детьми тарасились на нее, пенсионеры опасливо обходили стороной.

— Варвара, прости... Я опоздала! — подбегая, со-вестливо вздохнула Даша.

— Да ладно... — хмуро ответила подруга. — Хотя могли бы и в кафе посидеть.

— Какое кафе! Погода — чудо, настоящее бабье лето... — Даша ухватила Варвару за локоть и потащи-ла в парк.

— До лампочки мне это лето... — Варвара выпус-тила кольцо дыма, своими размерами напоминающее автомобильное колесо. — Мне главный велел диало-ги переписать. Говорит — не смешно.

— Я тебе помогу.

— Ладно, ловлю на слове!

Они свернули с шумной аллеи на тихую просеку.

Подул легкий ветер — с берез полетели листья.

— Секунду, мне надо срочно сфотографировать... — Даша защелкала фотоаппаратом.

Варвара критично посмотрела на нее:

— А зачем тебе эти березы? Для каких, так сказать, нужд?..

— Для сугубо утилитарных, — ответила Даша, пытаюсь найти подходящий кадр. — Черт, да как эту вспышку убрать?..

— Дай-ка. У меня такой же. Сюда жми, потом сюда. Ясно?

— Мерси... Понимаешь, у меня на компьютере должна быть определенная заставка, — принялась объяснять Даша. — Соответствующая времени года. Если лето — так лето, весна — так весна...

— Скачала б из Интернета!

— Нет, не то. Пейзаж должен быть тот, который я действительно *видела*. Сама!

— Зачем?

— Не знаю. Возможно, я теряю чувство реальности — с этими дурацкими мыльными операми...

— А, — без всякого энтузиазма отозвалась Варвара. Потом добавила: — Тебе замуж давно пора, Дарья.

— А тебе? — усмехнулась Даша.

— Нет, я не хочу. А вот тебе надо. За этого твоего... восточного принца.

— Никакой он не восточный, они сто лет в Москве живут!

Неподалеку возвышалась стена полуразрушенного павильона, покрытая вьющимся растением. Листья — желтые, зеленые, ярко-красные — сразу бросались в глаза.

Татьяна ТРОНИНА

— Иди сюда, тут дикий виноград... Впечатляет! — позвала Варвара и достала из складок бархатного черного кошельа на цепях вместо ручек точно такой же, как у Даши, фотоаппарат. — Пожалуй, я тоже себе заставку сделаю...

Подруги принялись сосредоточенно фотографировать дикий виноград.

Восточный принц... В самом деле, у Марата Курбатова были какие-то восточные корни.

В первый раз Даша увидела его в метро.

Он сидел в полупустом вагоне напротив нее. Юноша бледный со взором горящим... Черное пальто, черные волосы, черные глаза. *Его* черный цвет, в отличие от Варвариного черного, был мягким, даже теплым — как летняя ночь.

Глаза прозрачные, сияющие — глаза итальянок с картин Брюллова. И еще он был похож на диковинное растение.

Наверное, нельзя мужчину сравнивать с цветком, но в первое мгновение Даша сразу же сравнила Марата именно с цветком — потому что им нельзя было не любоваться. При этом — ни капли женственности, но бездна нежной хрупкости...

Да, ко всему прочему Марат сжимал в руках футляр со скрипкой. Какие пальцы — тонкие, длинные, сильные!

Белоснежные манжеты, тонкие запястья. Кожа — словно персик. Полупрозрачная оболочка, под которой — тягучий мед.

Даша смотрела на Марата и не могла оторвать

глаз. В ее любовании не было ни капли кокетства — она была просто заморожена. К тому же ее возраст — тридцать шесть, а возраст этого черного ангела — едва ли более двадцати, о каком кокетстве речь...

Но он заметил ее взгляд, щеки слегка вспыхнули, дивные глаза заблестели еще сильнее, дрогнули смоляные ресницы...

Он принял ее взгляд буквально, как призыв, и на следующей остановке вышел вслед за ней.

— Я — Марат. А вас как зовут? — тихо, очень серьезно, очень вежливо спросил он. Длинные пальцы в это время терзали футляр — значит, нервничал. Нежный и отважный.

— Меня? Дарья Михайловна я... — растерянно брякнула Даша. Потом опомнилась, улыбнулась: — Можно просто — Даша.

И все. И покатилося...

Какая разница, что ей — тридцать шесть, а ему — двадцать два всего! В конце концов он же не дурак, видел, что она не девчонка...

Он любил ее так нежно, сильно и самоотверженно, что плакать хотелось.

Поначалу его родители к связи сына относились снисходительно (мать — исполнительница старинных романсов, отец — известный волейбольный тренер), но потом, когда Марат заявил, что намерен жениться, моментально развернули боевые действия.

Их мальчик никогда не женится на женщине старше его, к тому же невеста у Марата уже была — некая

Татьяна ТРОНИНА

пигалица по имени Джульетта, сосватанная ему чуть ли не в младенчестве.

Марат, при всей своей цветочной хрупкости, обладал железным характером. Только Даша. И никаких Джульетт!

Хотела ли сама Даша стать женой Марата? И да, и нет. Она была в том возрасте, когда еще мечтают о счастье. И в то же время уже понимают, что вряд ли оно возможно.

— ...Иди сюда! — позвала подругу Варвара, тоже не на шутку увлекшаяся фотографированием осенних листьев. — Здесь такие роскошные кусты...

У Даши зазвонил сотовый.

— Подержи пока... — Даша сунула Варваре фотоаппарат, отошла в сторону. — Алло.

— Только через мой труп! — Рыдающий голос исполнительницы романсов резанул Даше ухо. — Я не отдам моего мальчика... Только через мой труп! Мы увезем его, мы спрячем его от тебя!..

«Все ясно, — мрачно подумала Даша и отключила телефон. — Шоу продолжается!»

— Кто звонил?

— Неважно... — отмахнулась Даша.

Варвару было невозможно обидеть.

— Слушай, как есть хочется... Ты чувствуешь? — Она повела носом. — Дымком пахнет... Может, по шашлычку? Даша!

— Ладно, по шашлычку! — усмехнулась Даша.

Как уже говорилось, Варвара, при всей своей тяге

к готическому и демоническому, была абсолютно земной женщиной.

— Мне готовить совершенно некогда... И не умею я! — принохиваясь, сосредоточенно бормотала Варвара. — А тут, понимаешь, все уже готовое...

— Ты себе желудок испортишь. С этими своими кафе, шашлычными...

— Ой, Парщикова, перестань! — огрызнулась Варвара. — Не будь занудой.

В кафе случился небольшой инцидент — после того как был съеден последний кусочек мяса, Варвара закурила свою знаменитую сигару. Публика начала протестовать.

— Тыфу на вас тыщу раз! Даш, пошли отсюда...

Сигару докуривали в стороне, у фонтана.

— Нет, все-таки бестолковый у нас народ! — громгласно возмущалась Варвара. — Это ж настоящая гаванская сигара... Такие в магазине — пятьдесят долларов штука. Сидели бы и вдыхали бесплатно...

У трамвайной остановки Даша с Варварой простились.

— Ну все, до понедельника... И не забудь — ты мне помочь обещала! — влезая на подножку, крикнула Варвара. — Елки зеленые, опять я за эту дрянь зацепилась... Ну ничего, скоро у меня персональный кабриолет будет!

— Что? Что случилось? — снизу закричала Даша.

— Вечная проблема! Сумка зацепилась за железку... — Пыхтя, Варвара наконец сумела пробраться вперед.

Татьяна ТРОНИНА

Даша помахала вслед трамваю.

Уже стемнело, зажглись фонари.

На улице, где днем шумела ярмарка выходного дня, ветер перекачивал мусор, сосредоточенные дворники в оранжевых робах дружно приступили к работе.

Даша свернула в сторону и через некоторое время оказалась у набережной. Внизу многоэтажного дома светился огнями парфюмерно-косметический магазин.

Некоторое время Даша колебалась (час был довольно поздний, да и дома ее ждала работа), но потом махнула на все рукой.

Она вошла внутрь, с наслаждением вдохнула пропитанный сладкой химией воздух.

Это была ее стихия. Ее утешение. Ее лекарство.

С ходу положила в корзину бутылочку с жидким мылом. Затем спрей для волос, придающий им блеск. Потом минут двадцать обсуждала с девушкой-консультантом помаду — какой цвет, какой фирмы выбрать. Матовую или перламутровую? Устойчивую или увлажняющую? Выбрала, наконец. Лак для волос — обязательно. Старый уже почти кончился. И молочко для снятия макияжа — тоже... Надо бы не забыть и тоник. Да, и у Людочки из бухгалтерии на следующей неделе день рождения, надо купить ей подарок — вот этот чудесный набор для ванной. А это что? А это зачем? А надо? Да-да, надо обязательно! И хорошо бы купить эту тушь, тем более скидка на нее 30 процентов...

— Мне какой цвет больше идет — этот или тот? —

для сравнения Даша раскрасила щеки румянами разного оттенка.

— Пожалуй, вот этот... — сосредоточенно хмурилась молоденькая консультантша, приседая от усердия. — Поверните голову. Теперь в другую сторону...

Как уже упоминалось, Даша любила косметику как таковую. Любила покупать ее... Ну, и еще с ее помощью пыталась немножечко скрыть свой возраст, совсем не девичий, надо сказать.

Из зеркала на нее смотрела довольно молодая женщина. И, кажется, довольно симпатичная. Невысокого роста, худощавая, с длинными вьющимися рыжевато-каштановыми волосами. Глаза карие, кожа светлая, с чуть желтоватым оттенком. Морщин практически нет. Родинки — две на правой щеке, одна чуть ниже правого угла губ... Вопрос о родинках был мучительным на протяжении долгих лет. То ли они идут ей, то ли, наоборот, портят?..

— Девушка, а сколько бы вы мне дали лет? — Даша, не выдержав, снова прицепилась к консультантше. — Только честно!

Консультантша растерялась.

— Ну, я не знаю... Это вопрос очень интимный...

— Только честно! — напирала Даша.

— Ну, я не знаю... — несчастная побледнела, потом покраснела. И неуверенно выдавила из себя: — Лет тридцать...

«Тридцать! — ужаснулась Даша. — Скажет она мне правду, как же... Если она говорит — тридцать, то, значит, я выгляжу на все сорок!»

Татьяна ТРОНИНА

— Хотя нет, — чуть уверенней произнесла консультантша. — На вид вам, ну... Лет двадцать восемь!

«Двадцать восемь...» — опечалилась Даша. Она хотела услышать совсем другие цифры.

— А в общем, если не вглядываться, вам больше двадцати и не дашь! — наконец уверенно воскликнула девушка. — Особенно если в темноте...

Даше стало немного легче, хотя она не верила ни единому слову.

— Отлично! — просияла она. — А теперь помогите подобрать мне ночной крем для лица, только, умоляю, не слишком жирный...

Слегка обалдевшая, потерявшая чувство времени и пространства, Даша наконец вывалилась из магазина — за одну минуту до его закрытия. Поздний вечер воскресенья. Никого...

Перехватывая из руки в руку тяжелый пакет (люди картошку в таких количествах покупают!), Даша вдоль набережной побрела к мосту.

Было тихо, лишь изредка на большой скорости проезжали мимо машины.

Фонари отражались в черной воде, ветви деревьев с еще густой, плотной листвой низко нависали над чугунным парапетом.

Чьи-то шаги.

Сначала Даша не обратила на них внимания, но потом, когда промчалась очередная машина и вновь наступила гулкая тишина, звук шагов заставил ее насторожиться.

Даша оглянулась, но никого не увидела. Фонари в

кронах деревьев, громады подсвеченных билбордов возвышаются надо всем, дома чуть в отдалении, на другой стороне улицы...

Даша снова пошла вперед и опять услышала шаги. Мужские или женские? Непонятно.

Она прибавила шаг. Потом сбавила. Снова оглянулась. Какие-то тени мелькнули позади...

«Господи, господи! — испугалась Даша. — А вдруг это маньяк?! Крадется за мной... Вот дурак! Принял меня за молоденькую...»

Именно сейчас Даше вдруг нестерпимо захотелось выглядеть почтенной пожилой матроной — на таких уж точно ни один маньяк не набросится! Она совершенно некстати вспомнила слова простодушной консультантки о том, что в темноте ее можно за девочку принять...

Даша на ходу достала телефон и тут с тоской обнаружила, что аккумулятор разрядился. «Вот дурочка! Надо было утром не о фотоаппарате думать, а о телефоне!» — мелькнуло в голове.

Она засунула бесполезный телефон обратно в сумочку. Сердце колотилось как бешеное.

Даша подняла голову и увидела полную луну, выплывшую из облаков. «В полнолуние у психов случается обострение...» — неожиданно вспомнила она.

Шаги сзади сделались быстрее.

Впереди уже маячил мост.

Даша также очень кстати вспомнила фильм всех времен и народов — «Молчание ягнят» с Джоди Фостер. Отличная актерская игра, тонкий психологизм.

Татьяна ТРОНИНА

А как был хорош Энтони Хопкинс в роли Ганнибала Лектора, как убедителен — особенно когда набрасывался на людей и начинал их методично потрошить...

Даша не выдержала, тихонько взвизгнула и, прижимая пакет к груди, помчалась к мосту, надеясь, что там, на другой стороне набережной, будут люди. По крайней мере, есть надежда, что на людях маньяк станет вести себя благоразумней!

Она взлетела на середину моста, оглянулась.

Никого.

Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, слегка охладил пылающие щеки.

«А с чего я, собственно, взяла, что это маньяк? И что ему нужна именно я?» — с досадой подумала Даша, находясь на высокой, со всех сторон освещенной площадке.

Ругая себя почему зря («Паникерша! Сама ненормальная!»), Даша спустилась с моста на другую сторону реки, еще раз оглянулась. Никого. Лишь стремительно мчатся по другому берегу машины.

Она принялась подниматься по лестнице вверх — ее дом стоял на холме. Поднялась, затем, не оглядываясь, зашагала вдоль сплошной стены «ракушек». До подъезда теперь было рукой подать. Правда, темно тут...

И вдруг она снова с ужасом уловила в шелестящей темноте звук шагов. Тех самых.

Даша оглянулась. Чей-то силуэт мелькнул сзади.

Потом...

Что произошло дальше, Даша не слишком хорошо запомнила — от нестерпимого страха она словно по-

теряла способность думать и чувствовать, словно оцепенела...

Кто-то подбежал к ней, толкнул, сорвал с плеча сумочку и стремительным черным сгустком пролетел мимо.

Еще мгновение — и Даша уже обнаружила, что стоит среди гаражей уже без сумочки и пакета.

Впрочем, пакет с косметикой она уронила сама.

— Ой, мама... Ой, мамочки... — застонала она. Руки, ноги, все тело было словно свинцом налито.

Даша без сил опустилась вниз, села прямо на асфальт и заплакала.

И, все еще плача, в темноте сгребла свои покупки, сложила их кое-как обратно в пакет. Левое плечо слегка ныло от удара.

— Сволочь... Нет, ну какая сволочь!

Даше было не столько обидно — обидно и страшно, сколько стыдно и горько. Она одна. Одна как перст. Никто ее не встретит у дома, никто ее не ждет. Никто не спешит ей на помощь...

Марат? У нее и его отнимают...

Отверженная. Ничейная. Ненужная.

Давясь слезами, Даша кое-как доковыляла до дома, поднялась на лифте на свой этаж.

В квартире захлопнула за собой дверь, бросила пакет в угол, сорвала с себя плащ, безнадежно испачканный.

«И что теперь? Проглотить все это? — неожиданно разозлилась она. — Ну уж нет!»

Татьяна ТРОНИНА

Даша взяла трубку городского телефона и принялась ожесточенно тыкать кнопки.

— Алло, милиция? На меня совершено нападение!

— Адрес, пожалуйста...

— Адрес? Сейчас! Вы понимаете, на меня напал маньяк. Чудом жива осталась... У нас по району убийца разгуливает!

— Убийца?

— Да, маньяк-убийца!

Даша кое-как продиктовала адрес, потом принялась объяснять, что именно произошло.

Кажется, оператор на том конце телефонных проводов была не в восторге от того, что ее беспокоят по такому пустяковому поводу.

Но Даша была уже вне себя от ярости. Она сознательно увиливала от прямых вопросов, всхлипывала, твердила одно — маньяк, убийца! — и так запутала ситуацию, что женщина-оператор в конце концов вздохнула и пообещала, что «ладно, к вам сейчас подъедут».

Только тогда с чувством удовлетворения Даша положила трубку. Ей стало немного легче — от того, что не стала молча глотать обиду, а предприняла все для того, чтобы поймать негодяя, укравшего у нее сумочку.

Она ушла в ванную стирать плащ.

— Надо же, мазут, что ли? — Она разглядывала густые черные пятна на светлой ткани. — И чем эту дрянь теперь вывести?!

Она так увлеклась стиркой, что не услышала звонка в дверь.

«Звонят? Приехали? Так быстро?.. — она кинула взгляд на часы. — И кто-то еще ругает нашу милицию — всего-то через пятнадцать минут подъехали!»

Даша бросила плащ обратно в ванную и бросилась открывать входную дверь.

На пороге стоял мужчина в костюме, с папкой в руках. Сзади маячили еще двое — в милицейской форме.

— Вызывали?

— Да. Проходите, пожалуйста... — Даша вытерла мокрые руки о джинсы и пропустила всех троих внутрь.

— Капитан Кедров... — скороговоркой произнес мужчина в костюме и той же скороговоркой еще что-то присовокупил к своему званию и фамилии — что именно, Даша не разобрала. Про какое-то там УВД какого-то там округа... — Кого убили?

— Что?

— Я говорю — что произошло? Где труп?

— Труп — это я. Вернее, я чуть не стала трупом! А вы следователь? Сейчас все расскажу... Располагайтесь! Нет, вот сюда, за стол... — и Даша, усевшись напротив капитана, принялась подробнейшим образом, боясь упустить что-то важное, рассказывать свою историю — начиная с того момента, как она вышла из парфюмерно-косметического магазина.

Сначала ее слушали с интересом, потом лица прибывших начали заметно скучнеть.

— Руслан, мы не нужны пока? Выйдем, ладно?

— Ладно... — кивнул Кедров двум сопровождавшим его милиционерам. Они вышли на лестничную

Татьяна ТРОНИНА

площадку. Один сказал что-то другому, тот засмеялся. Потом потянуло густым табачным дымом...

— Вы меня слушаете, капитан? — строго спросила Даша.

— Да, я слушаю вас, Дарья Михайловна. — Капитан Кедров быстро писал что-то в своей папке. Лицо у него было бесстрастное, абсолютно ничего не выражающее. Не лицо, а маска. — В котором часу произошло ограбление?

— Вы думаете, я смотрела на часы? — обиделась Даша. — Я была в шоке, меня всю трясло...

— Ну, хотя бы примерно, — следователь потер глаза.

— Сейчас соображу... Я вышла из магазина перед самым закрытием, то есть почти в десять вечера, потом направилась к набережной... Вот там-то я и почувствовала неладное!

— Значит, ограбление произошло в начале одиннадцатого... — Кедров склонился над блокнотом.

— Что вы там пишете? Зачеркните немедленно! — переполошилась Даша, вытянув шею. — Зачеркните!

— А в чем дело?

— Вы все неправильно пишете! Ограбление произошло не в начале одиннадцатого, в начале одиннадцатого я только-только оказалась у реки...

Капитан, не поднимая головы, жирно перечеркнул несколько строчек.

— А когда? — бесстрастно спросил он.

— Сейчас, не торопите меня, я не могу сосредото-

читься... Вдоль набережной я шла. Да. Потом услышала шаги и побежала.

— Долго бежали?

— Минуту... Или две? Нет, все-таки минуту. Или две?

— Пусть будет полторы.

— Да, да, полторы! — Даша засмеялась нервно, вытерла набежавшие на глаза слезы. — Взлетела на мост. Оглянулась, постояла...

— Сколько?

— Что?

— Сколько на мосту стояли? Опять полторы минуты?

— Нет, буквально пару секунд! Потом на другую сторону, и по лестнице вверх. Там у нас гаражи. И вот там-то, за гаражами, этот маньяк и напал на меня!

— Маньяк? Так маньяк или грабитель?

— Маньяк-грабитель! — с ненавистью произнесла Даша. — Толкнул меня и схватил сумочку...

— Стоп-стоп-стоп, — следовательно опять потеряла глаза. — Значит, ограбление все-таки произошло в начале одиннадцатого?

— Что? А, выходит, да... — растерянно произнесла Даша.

Капитан вновь методично принялся что-то записывать в свой блокнот. Затаив дыхание, Даша ждала.

— Приметы? — не поднимая глаз, спросил он.

— Чьи?

— Приметы грабителя.

— А-а... Человек в черном.

— Рост, тип телосложения, волосы...

Татьяна ТРОНИНА

— Не знаю! Я даже не поняла, какого он роста! — в отчаянии ломая пальцы, воскликнула Даша. — И не уверена, что он был в черном... Так, сгусток некой черной материи, нечто inferнальное, воплощенное зло... Это не человек даже! — с ненавистью заключила она.

— Не человек. Inferнальный сгусток. Вас ограбил inferнальный сгусток. Я правильно записываю? — не поднимая головы, холодно спросил капитан.

— Издеваетесь? — Голос у Даши задрожал. — Я в переносном смысле!

— Пишу — че-ло-век... ну хоть мужчина или женщина? — В голосе капитана в первый раз проскользнула скрытая издевка.

«Солдафон. Мужлан. И какого лешего я связалась с этой милицией...» — с бессильной досадой разглядывая своего визави, подумала Даша. Руслану Кедрову было около сорока или чуть больше того. Сухощавый, невысокий, коротко стриженный. Волосы неприятного мышинного цвета — вероятно, от природы пепельно-темные, они слишком рано поседели. Невыразительное, обычное лицо. Цвет лица — желтовато-серый какой-то, веки покрасневшие, припухшие. «Пьет, наверное!» — презрительно заключила Даша.

— Что вы молчите?

— Это был мужчина, — отчеканила она.

— Вы уверены?

— Да. Абсолютно.

— Ладно, хоть с этим разобрались... — пробормотал Кедров. — Что было в сумочке?

— Носовой платок. Пудреница — «Кристиан Диор», между прочим. Помада... Ну, помада так, дешевенькая, мидл-класс...

— О господи, — едва слышно прошептал капитан.

— Еще зонтик. Ключи...

— Как же вы вошли в квартиру? — хмыкнул Кедров.

— А у меня вторые ключи были, в кармане, — ответила Даша: ключи и в кармане, и в сумочке одновременно она выносила из дома не первый раз.

— Паспорт?

— Д-да, был... Ой, блин, теперь же еще с паспортom возни! — схватилась Даша за голову.

— Замки смените, немедленно. Что еще в сумочке было?

— Ручка, записная книжка — я туда свои мысли записываю, на память нельзя надеяться... Знаете, придет иногда свежая идея... — расстроенно забормотала Даша. — Хотя вру! — оживилась она, увидев записную книжку прямо перед собой на столе: обложка из красной кожи под рептилию, переводная картинка — смешной кротик из детского мультфильма... — Слава богу, я не брала ее с собой...

— Кошелек? — сухо перебил капитан.

— Был.

— Сколько денег?

— Тысяч пять... нет-нет, не пишите! — замахала руками Даша. — Зачеркните все! В кошельке была только мелочь, ну, и пара десятков... Я ведь все деньги

Татьяна ТРОНИНА

истратила перед этим в парфюмерном! Я же говорю — склероз...

Капитан в первый раз поднял на Дашу глаза — льдисто-серые, тоже невыразительные.

— Вы ничего не путаете? — неприязненно спросил он. — Пять тысяч — на косметику?

— Ну да... А что?

— Нет, ничего. Значит, у вас украли сумку с косметикой на сумму примерно пять тысяч рублей. Пишу...

— Опять вы все не так поняли! — теряя терпение, закричала Даша. — Косметику у меня не украли, я потратила на нее все деньги, а пакет уронила там, за гаражами, когда этот изверг меня толкнул...

— Но вы же сами, Дарья Михайловна, только что сказали, что в сумочке у вас был этот... Кристиан Дидор, или чего там еще...

— У меня косметика была везде — и в сумочке, и в пакете! И то, что выпало из пакета, я потом собрала...

Капитан ошалело всмотрелся в Дашино лицо.

— Зачем вам столько этого барахла? Вроде вполне нормальная женщина, без видимых дефектов... — пробормотал он. Впрочем, через мгновение его лицо вновь приняло официальное выражение.

— Спасибо за комплимент! — язвительно скривилась Даша. Мужлан, он и есть мужлан!

— Вы вызвали меня затем, чтобы сообщить о пропаже двадцати рублей и пудреницы? — Капитан бросил ручку в сторону.

— А что вам не нравится? Преступление — оно и есть преступление! — Даша решила наступать. — Ка-

кая разница, сколько у меня украли... На меня напали! В темноте! Толкнули! И сумка кожаная, не дерматин какой-то...

Руслан Кедров некоторое время молчал, глядя на Дашу своими рыбьими глазами. Потом тихо произнес:

— Ограбления — не мой профиль. Я из убойного отдела, к вашему сведению... На мне тридцать дел висит в данный момент. Очень серьезные преступления, между прочим. Сегодня днем, например, произошло убийство. Убили женщину. Зарезали в собственной квартире, выпотрошили, словно поросенка... Кровь даже потолок забрызгала. А вы!.. — Он стиснул зубы.

— В сумочке был еще фотоаппарат... — растерянно пролепетала Даша. — Цифровой. Совершенно новый. Дорогой!

— Какого хрена... — Кедрова весть о пропаже фотоаппарата совсем не взволновала. — Делать вам, что ли, нечего, дамочка?! О люди... — он потер кончиками пальцев виски, мучительно сведя брови.

— У вас голова болит? — робко спросила Даша. — Может быть, таблетку...

— Да идите вы со своей таблеткой! Никто не хотел к вам ехать, один я, как дурак, мчусь к вам и слушаю эти бредни про пудреницу... Могли бы сами прийти в отделение! Написали бы заявление, приняли бы его у вас, никуда не делись — с вашей-то настойчивостью! Чего вы там по телефону лепетали о каком-то маньяке?..

— А что вы на меня орете? Куда это я пойду, на ночь глядя? Я даже не знаю, где оно, ваше отделение